

ло ра среди детей имеет преимущ. сезонный характер. На архаичных духовых инструментах типа «зундёр» дети подражают голосам животных («чурька недень мора» — пению соловья, «ациянь видемакс» — писку совят); иногда в форме небольших ансамблей интонируют в гетерофонной манере мелодии плясовых песен.

Тексты: *Евсевьев М. Е.* Избр. тр. Т. 2 : Народные песни. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 8 : Детский фольклор / сост., подстрочный пер., предисл. и комм. Э. Н. Таракиной. Саранск, 1978 ; Памятники мордовского народного музыкального искусства / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1 ; 1988. Т. 3.

Лит.: *Таракина Э. Н.* Мордовский детский фольклор. Саранск, 1971 ; *Бояркина Л. Б.* Песенное искусство эрзянских переселенцев Среднего Заволжья // Памятники... Т. 3.

Н. И. Бояркин.

ДИАЛОГ (от греч. dialogos — разговор, беседа), форма устной речи, разговор между двумя или более персонажами в худож. произведении; лит. форма, собеседование или спор (преимущ. в прозе, редко в стихах) на филос., моральную, религ., полит., эстетич. и др. темы. Диалогич. речь как тип коммуникации наиболее широко представлена в двух сферах человек. деятельности: в реальном межличностном общении и в худож. словесном творчестве. Д. в драме выполняет доминантную функцию, в прозе является одним из гл. типов повествования, встречается также в поэзии, особенно в лиро-эпич. жанрах (напр. в *балладе*). В рос. лит.-ведении выделяются следующие виды Д.: Д.-объяснение, Д.-поединок, Д.-допрос, Д.-исповедь, Д.-спор и др. В лит.-ре Д. — это инструмент, благодаря к-рому наиболее полно раскрывается замысел автора.

В худож. тексте Д., помимо эстетической, имеет также коммуникативную,

сюжето- и текстообразующую функции. Введением Д. в худож. текст автор выявляет взаимоотношения действующих лиц, определяет их поведение, развивает сюжет. Д. всегда служит важным средством обрисовки персонажа (характерологич. функция), напр. особенностей его характера, эмоц. состояния, уровня образования и культуры, отношения к тому или иному лицу либо событию. Кроме того, выделяются информац. (посредством Д. автор вводит различные описания, уточнения места и времени действия, предшествующие события и т. д.), психол. (в речевом общении особенно отчётливо проявляется психол. состояние человека, к-рое особым образом оформляется в репликах, даёт читателю пищу для размышления, приглашает к анализу дальнейших событий), оценочная (с помощью Д. автор вводит оценочные характеристики героев, событий, конфликтов, ситуаций и т. д.) и др. функции диалогич. речи.

В драме Д. — осн. способ изображения характеров и развития драм. действия, основа сюжета. Реплики состоят чаще всего из одного, двух, реже — трёх, четырёх предложений и более, никогда чрезмерно не разрастаясь и не теряя ориентацию на ответную реакцию партнёра. Драм. Д. придаёт речи героев лирич. подтекст (пьесы «Народть лемста» — «Во имя народа» Г. Я. Меркушкина, 1955; «Сороковины» А. П. Терёшкина, 1986; «Кда орта лангса суви пине» — «Если во дворе воет собака», 1990, «Тят шава, тят сала» — «Не убий, не укради», 1992, В. И. Мишаниной; «Каназор» — «Князь», 1991, «Дом на Фрунзенской», 2007, А. И. Пудина; и др.).

В прозе Д. — один из видов словесного изображения наряду с авт. повествованием. Обязат. соотносённость с авт. речью, с описанием сопутствующих разговору жестов, мимики и др. сред-

ствами характеристики персонажей отличает прозаич. Д. от драматического. Чаще всего Д. в прозе вводится глаголами, вследствие чего создаётся его дистанцированность и обозримость. В мордов. прозе со 2-й пол. 20 в. заметно выделяется характерологич. роль Д.: в нём широко представлены экспрессивные, социально и индивидуально окраш. элементы (повести «Миртть-рват» — «Супруги» А. П. Тяпаева, 1985; «Сембода лямбе берякти» — «К самому тёплому берегу» Г. И. Пинясова, 1988; «Кирдажт» — «Ровесники» М. И. *Брыжинского*, 2008; и др.), созданы своеобразные формы комич. Д. — с разорванной логич. связью между репликами, с подчёркнутым использованием стилистически сниж. лексики (ром. «Лавгинов» В. М. Коломасова, 1959). Особую эмоц. и идеологич. нагрузку приобретает Д. в романах К. Г. *Абрамова*, И. М. *Девина*, А. М. *Доронина*, М. Т. Петрова и др. В лирике преобладает монолог, но в отд. случаях мордов. поэты обращаются к форме Д. (стихотворения «Сыре поэт марто кортамо» — «Разговор со старым поэтом» А. Моро, 1970; «Разговор с сыном» С. В. Кинякина, 1990; поэма «...А Волгась шуди» — «...А Волга течёт» И. Н. Кудашкина, 1982; и др.). Д. часто используется в жанре *басни* (М. А. *Бедан*, И. Е. Шумилкин) для показа эмоц. состояния персонажей и отражения точки зрения автора на поднимаемую в произв. проблему. Он наделяет одного из героев своим мировоззрением, встаёт на его сторону и доказывает несостоятельность противоположных мнений. В этом случае Д. является ярким стилистич. приёмом, средством оживления повествования. Как самостоят. лит.-публиц. жанр Д. в мордов. лит-ре не утвердился.

Лит.: КЛЭ. Т. 2; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; ЛЭТП; *Лагутин В. И.* Проблемы анализа художественного диалога: (К прагмалингвистич. теории

драмы). Кишинёв, 1991; *Хмырова Э. А.* Функция диалога в контексте формирования концепта произведения // Проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам: традиции и стратегия обновления. Тамбов, 2001; *Хисамова Г. Г.* Диалог как компонент художественного текста: на материале художественной прозы В. М. Шукшина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009.

И. И. Шеянова.

ДИЛОГИЯ, в эпоху античности двухактная драма; в лит-ре нового времени худож. произв. (преимущ. эпич., реже драм.), состоящее из двух эстетически самостоят. и композиционно законч. частей (произведений, книг). Объединяют их в одно целое общая идейно-эстетич. концепция худож. проекта, преемственность развития сюжетных линий, воссоздание общей ист. эпохи, фигура или фигуры центр. персонажей (романы «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте, «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, «За правое дело» и «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, и др.).

В мордов. лит-ре первые попытки создания крупных эпич. произв. с продолжением относятся к 1-й пол. 1930-х гг. Так, А. М. Лукьянов предполагал развернуть в Д. и даже в трилогию ист. роман в стихотв. форме «Кинель», первая книга к-рого вышла в 1933, но так и не увидела продолжения. Незавершённой осталась и вторая книга историко-бытового романа «Раужо палмань» («Чёрный столб», 1934, кн. 1) А. Д. Куторкина, первые главы к-рой были опубл. в неск. номерах ж. «Сятко» (1935). Ближе всех к созданию Д. в тот период находился Т. А. Раптанов — автор первого, по мнению Б. Е. Кирюшкина, сравнительно удачного мордов. ром. «Чихан пандо ало» («Под Чихан-горой», 1934, кн. 1;